

**КЛАССИКИ
ТЕОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ:
УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ
ИДЕИ
В РОССИИ**

Денис Иванович Фонвизин

Рассуждение о непременных государственных законах

Сканирование, вычитка, fb2 Chernov Sergey

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=628415

*Классики теории государственного управления: Управленческие идеи
в России / Факультет государственного управления МГУ им. М.В.
Ломоносова; Редкол.: А.В. Сурин (председатель), Ю.Ю. Петрунин
(отв. ред.) и др.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН);
Москва; 2008
ISBN 978-5-8243-0935-5*

Аннотация

«...Государь, подобие Бога, преемник на земле вышней его власти, не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановя в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем. ...»

Д.И. Фонвизин
Рассуждение о непременных
государственных законах
1781–1783 гг.

Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сии истину тираны знают, а добрые государи чувствуют. Просвещенный ясностью сея истины и великими чувствами души одаренный монарх, облекшись в неограниченную власть и стремясь к совершенству, поскольку смертному возможно, сам тотчас ощутит, что власть делать зло есть не совершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к содеянию какого-либо зла. <...> Государь, подобие Бога, преемник на земле вышней его власти, не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановя в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем.

Без сих правил, или, точнее объясниться, без непременных государственных законов, не прочно ни состояние государства, ни состояние государя. Не будет той подпоры, на

которой бы их общая сила утвердилась. <...> Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества, есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей. Одно пристрастие бывает подвигом всякого узаконения, ибо не нрав государя приноравливается к законам, но законы к нравам. <...> Тут, кто, может, повелевает, но никто ничем не управляет, ибо править должны были законы, кои выше себя ничего не терпят. Тут подданные порабощены государю, а государь обыкновенно своему недостойному любимцу. <...> В таком развращенном положении злоупотребление самовластия восходит до невероятности, и уже перестает всякое различие между государственным и государевым, между государевыми любимцевым. От произвола сего последнего все зависит. <...> Коварство и ухищрение приемлется главным правило поведения. Никто не идет стезею, ему свойственною. Никто не намерен заслуживать; всякий ищет выслуживать. В сие благопоспешное недостойным людям время, какого воздаяния и могут ожидать истинные заслуги, или, паче, есть ли способ оставаться в службе мыслящему и благородное любочестие имеющему гражданину? Какой чин, какой знак почести, какое место государственное не изгажено скаредным прикосновением пристрастного покровительства? <...> Лестно ль быть судьею, когда правосудным быть не позволяется? Тут алчное

корыстолюбие довершает общее развращение. Головы занимаются одним промышлением средств к обогащению. Кто может – грабит, кто не может – крадет. <...>

Таково положение долго устоять не может. При крайнем ожесточении сердце все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, нечувствительно в одну точку соединяются. Вдруг все устремляются расторгнуть узы нестерпимого порабощения. И тогда что есть государство? Колосс, державшийся цепями. Цепи разрываются, колосс упадает и само собою разрушается. Деспотичество, раздающееся от анархии, весьма редко в нее опять возвращается.

Для отвращения таковыя гибели государь должен знать во всей точности все права свое величества, дабы, первое, содержать их у своих подданных в почтении и, второе, чтобы самому не преступить пределов, ознаменованных его правам самодержавнейшею всех на свете властью, а именно властью здравого рассудка. До первого достигает государь правотою, до второго кротостию.

<...> Он должен знать, что нация, жертвуя частью естественной своей вольности, вручила свое благо его попечению, его правосудию, его достоинству; что он отвечает за поведение тех, кому вручает дел правление, и что, следственно, их преступления, им терпимые, становятся его преступлениями. <...> Словом, государь, правоту наблюдающий, исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утвер-

ждает добродетель, призывая ее к почестям. <...>

Теперь представим себе государство, объемлющее пространство, какового ни одно на всем известном земном шаре не объемлет и которого по мере его обширности нет на свете малолюднее <...> государство, движимое вседневными и часто друг другу противуречащими указами, но не имеющее никакого твердого законоположения <...> государство не деспотическое, ибо нация никогда не отдавал себя государю в самовольное его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления; не монархическое, ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия, ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом государя; на демократию же походить не может земля, где народ, пресмыкаясь во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жесткого рабства.

Просвещенный и добродетельный монарх, застав свою империю и свои собственные права в такой несообразности и неустройстве, начинает великое свое служение немедленным ограждением общи безопасности посредством законов непреложных. В сем главном деле не должен он из глаз выпускать двух уважений: первое, что государство его требует немедленного врачевания от всех зол, приключаемых ему злоупотреблением самовластия; второе, что государство его ничем так скоро не может быть подвергнуто конечному разрушению, как если вдруг и не приуготовя нацию дать ей

преимущества, коими наслаждаются благоучрежденные европейские народы. При таком соображении, каковы могут быть первые фундаментальные законы, прилагается при сем особенное начертание.

В заключение надлежит признать ту истину, что главнейшая наука правления состоит в том, чтоб уметь сделать людей способными жить под добрым правлением. На сие никакие именные указы не годятся. <...> Чтоб устроить нравы, нет нужды ни в каких пышных и торжественных обрядах. Свойство истинного величества есть то, что наивеличайшие дела делать наипростейшим образом. Здравый рассудок и опыты веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа. В его руках пружина, куда повернуть людей: к добродетели или пороку. <...>

Публ. по: Фонвизин Д.И. Избранные сочинения и письма. М., 1946. С. 231–241.